

82.2(255.3)

775

Геннадий ФОКИН

Залив Америка

Находка, 2002

21.06.994

19.09.684

24.05.689

6.12.928

25.03.391

4.07.1005

14.09.822

22.11.1986

26.10.1558

9.02.514

20.05.52

63.3(255.3)

Ф 75

У

Геннадий Фокин

106900

Залив Америка

*Зое Николаевна
и Александр
Сидорович Фокин
23.06.02*

[Signature]
Библиотека-музей
г. Наволка

Находка
Литературный клуб "Элегия"
2002 год

ОК ЦБС
г. Наволка

ББК 84.5

Геннадий Петрович Фокин

Залив Америка, документальные повести, очерки

Находка: Печатный салон ОАО ПМП, 2002 — 132 стр.

Обложка: Юрий Тропин

Верстка: Денис Кабелев

**В книге использованы фотоматериалы
Игоря Гусева, Георгия Пакина из архива автора**

В этой книге - две документальные повести, связанные с некоторыми страницами истории Находки. Имена героев, даты и события – подлинные. Автор только обработал документы, устные рассказы очевидцев и участников давних событий и представил свою, литературную версию.

В третью часть автор счел нужным включить некоторые очерки о встречах с интересными людьми, когда-либо побывавших в нашем городе. Эти встречи также происходили на берегах нашей бухты, что и оправдывает их включение в настоящий сборник.

Автор выражает благодарность Государственному унитарному предприятию "Внешнеэкономическое объединение "Дальинторг", без участия которого эта книга не увидела бы свет в этом году.

© Фокин Г.П., 2002

© Тропин Ю., 2002

© Печатный салон ОАО ПМП, 2002

*Моей любимой жене Светлане
посвящаю.
Спасибо за помощь и терпение!*

Ю.А.

От автора

8 ноября 1959 года по дороге от станции Находка до Адмгородка написались строчки: "Привет тебе, моя Находка, как долго я тебя искал!"

С тех пор живу здесь.

И не разу не пожалел, что оставил Архангельск, где прошло военное детство:

*"...Вернуться в детство очень просто,
но мне не хочется туда...
От взрывов бомб пылает Остров,
кипит соленая вода,
и бабка крестится на образ,
другой рукой прикрыв меня...
От взрывов бомб пылает Остров—
На детство падает война..."*

В 1949 году арестовали мою мать и она погибла в каком-нибудь из лагерей "империи ГУЛАГ". В 13 лет я остался один:

*"...Я не запомнил матери лица...
В смятеньи, в судороге щек,
Она, наверное, рыдала без конца,
Упав отцу на жесткое плечо..."*

Из юности:

*"...Луна, не выпитую чашей,
манила к вывеске пивной.
И я вошел туда, и сразу
Мне память сбил стаканов хруст.
И кто-то мне по морде смазил,
И я под стол упал без чувств!"*

Так что, возвращаться туда после службы на Северном флоте не было никакого желания. Да и никто меня там не ждал...

...На берегах залива Америка обрел вторую малую родину и, пожалуй, навсегда, на всю оставшуюся жизнь. И — судьбу.

Здесь была работа в котельном цехе Находкинско-го судоремонтного завода, учеба в вечерней школе, в Дальневосточном государственном университете, в газете. Профессия журналиста дала возможность заниматься историей Находки и её окрестностей, её людей прошлого и настоящего. Много писал об этом, собирал по крупицам их судьбы, события, факты биографии города, накопил кое-какой архив, из которого пока получилась вот эта книга — "Залив Америка". Приоткрыл, считаю, лишь две странички из истории мест, где мы имеем счастье жить. Если хватит времени и сил — продолжу эту работу.

Как писал в городской газете первостроитель Находки Ефим Степанович Бизяев, еще в шестидесятых годах, "История Находки насыщена такими событиями, перед которыми меркнут эпизоды из приключенческих романов и повестей...".

Послесловия не будет — ставлю, любимое поэтом Мишей Гутманом, многоточие...

*Геннадий Фокин
Находка,
май 2002 года*

Предисловие

Дорогой читатель! Перед Вами удивительная добрая, спокойная книга Геннадия Фокина "Залив Америка". Книга насыщена событиями, фактами, воспоминаниями...

Прочитав книгу Геннадия Фокина, словно побываешь в двадцатых годах, когда Приморье было охвачено гражданской войной, а интервенты разгуливали по Владивостоку, убивали без суда и следствия.

В повести "Тайна бункера на мысе Мусатова" автор показал жизнь нашего города, борьбу с интервентами, с белогвардейцами.

В Находке, окрестных деревнях стоят многочисленные памятники и почти на всех написано: "Вечная память погибшим в гражданской войне...".

Мы как-то свыклись, а имена на памятниках молчат, не говорят, но за каждым именем — Человек, бурлила полнокровная жизнь! Этих людей нет, нет и их детей, но остались внуки и правнуки и потому велика роль книги Геннадия Фокина о том времени, где почти с документальной точностью показана жизнь людей, погибших в огне гражданской войны.

"Тайна Лисьего острова"... Тридцатые, сороковые годы. Женский лагерь. В лагере постоянно находилось двести человек с исковерканными судьбами! Сколько их выжило? Кто знает... Жизнь женщины в лагере на острове... Море слез, сотни трагедий, тысячи искореженных судеб!

Об этом периоде истории нашего города известно очень мало, благодаря целеустремленности автора родилась "Тайна Лисьего острова". Спокойное повествование, воспоминания и рассказы очевидцев, посещение места размещения лагеря, найденные предметы быта и жизни заключенных на острове Лисий усиливает трагедию людей, живших на острове-лагере.

Геннадий Фокин не удовлетворяется историей острова Лисьего, он изучает документы, расспрашивает участников событий и в результате достигает цели — ненавязчиво, без напряженности раскрывает нам, живущим сегодня, полную картину жизни Находки в 20-40-е годы.

Автор создал повести, значимость которых трудно оценить.

Японские захоронения на Левой Фалазе. Кто знает об этой трагедии простых людей! Сколько забытых могил японцев? А кто вспомнит о кладбищах в женском и мужском лагерях, здесь же — на Левой Фалазе! Кто помнит имена тех, кто уже никогда не сможет защитить себя? Женский лагерь в бухте Самбовая... Где хотя бы одна строчка о жизни жен расстрелянных военачальников! Сколько их было, сколько осталось в живых, кто они?

А сколько людей прошло через транзитный лагерь города Находки? Тысячи, десятки тысяч, а может быть и того больше?.. Кто расскажет, кто вспомнит о них...

Это наша история и негоже нам её забывать, трагичная или счастливая, она существует независимо от нашего желания и не знать её постыдно!

Геннадий Фокин создал светлую книгу памяти о трагических событиях из истории нашего города.

В третьей части автор рассказывает о своей дружбе с Николаем Рубцовым. Роль Геннадия Фокина на становление Николая Рубцова как поэта еще требует к себе внимания, мало кому известно, но именно Геннадий Фокин увидел в своем товарище будущего Великого русского поэта и предсказал во флотской газете.

Геннадий Фокин всю жизнь отдал журналистике и встречи, события бесстрастно фиксировал в журналистском блокноте. Сейчас по прошествии многих лет удивительно знать, что в нашем городе был Тур Хейердал, Михаил Шолохов, Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка, городом любовался русский писатель Виктор Астафьев, здесь бродили Василий Аксенов и автор знаменитой трилогии "Цунами", "Хеда", "Гонконг", Николай Задорнов. О каждом из них Геннадий Фокин рассказал бесстрастным языком участника всех удивительных встреч.

Проникновенные строки о безвременно ушедшем от нас Поэте — Михаиле Гутмане. Геннадий Фокин рассказывает нам о людях, которые вписали яркие страницы в историю России,

Спасибо тебе, Геннадий, за удивительную книгу!

Станислав Кабелев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тайна бункера на мысе Мусатова

**Документальная повесть.
Литературная версия подлинных
событий.**

Страшная находка

В середине шестидесятых годов началось строительство Находкинской нефтеперевалочной базы в бухте Чадауджа, что напротив острова Лисий. Генеральным подрядчиком был трест Дальморгидрострой и вся начальная подготовка территории будущей мощной нефтебазы, как тогда говорили, одной из крупнейших в Советском Союзе, велась его специалистами.

Сюда были доставлены землеройные механизмы управления механизации треста ДМГС. И пустынная доселе бухта огласилась рокотом многочисленных моторов и голосами строителей. В то время существовала практика привлекать к работе на важных объектах, по крайней мере, в самом начале их, когда не требовались квалифицированные рабочие, студенческие строительные отряды из многих вузов страны.

Так, на строительстве порта в бухте Врангеля побывали студенческие отряды из Ташкента, Ленинграда, а на нефтебазу приехали однажды летом студенты из Алма-Аты. С ними-то и случилось то, о чем я хочу рассказать. То есть, с чего все началось. Вот эта повесть, в частности. Мы, корреспонденты городской, и тогда единственной в городе газеты "Находкинский рабочий",

часто бывали на этих ударных объектах, постоянно давали оттуда бодрые репортажи, в которых писали об ударном труде студентов, и так далее.

Студенты, как правило, жили в палатках, предоставленных трестом ДМГС, который их сюда и приглашал через Центральный комитет ВЛКСМ. Труд студентов оплачивался скромнее, чем профессиональных строителей, тем не менее, студенты могли заработать. Потому и приезжали сюда- и отдать долг своему вузу, и немножко заработать. Хотя, какой там был заработок...

... Однажды утром, по заданию редактора я приехал туда для написания очередного репортажа. У временного вагончика, который был как бы штабом обширной стройки, собрались все представители генподрядчика и подрядчиков на большую планерку. Разговор о текущих делах шел под аккомпанемент моторов десятка бульдозеров и экскаваторов...

А накануне вечером мы с ребятами-студентами ташкентского университета сидели у костра и ели их плов. Казаны, или как они там называются, котлы в общем медные, были полны этим самым вкусным на наш взгляд, варевом- узбекским пловом! А их вино в бочонках было как всегда- сладким и терпким...

... Планерка шла своим чередом. И вдруг гул моторов смолкнул и со стороны берега послышался крик: "Все сюда!" Все встали и посмотрели туда, откуда крик. Оттуда махали руками. Побежали: "Что случилось?"

У самой кромки берега стоял бульдозер, машинист тыкал руками куда-то вперед своей машины: "Нож, е-мое, сломал обо что-то..."

Когда разглядели, это "что-то" оказалось грудой больших камней, под которой обнаружился бревенчатый настил. Бульдозерист вновь сел в кабину, двинул машину назад, потом подал вперед и ножом сдвинул под торец пару бревен. Обнаружилась черная дыра. Оттуда пахло гнилью и сыростью...

У бульдозериста в кабине нашелся фонарь. Его неяркий луч осветил дно пещеры, что-то около трех метров. В стороны ничего

не было видно. Из толпы высунулся маленький чернявый узбек-стройотрядовец: "Давайте веревку, спущусь, посмотрю..." Вскоре он исчез в черной дыре. Видно было, как он с фонарем постоял на дне, потом пошел вглубь пещеры...

– Ну, что там?

– Сейчас, сейчас... – глухо донеслось из подземелья. И почти сразу же- истошный крик и веревка задергалась:

– Выгаскивайте!!!

Несколько человек ухватились за конец и выдернули парня на поверхность. Он упал, тяжело дыша:

– ... там, два скелета, лежат, в углу...

... А дальше было просто: приехали представители разных органов, "объект" оцепили и что они там выяснили, неизвестно. Я пытался с помощью удостоверения городской газеты "Находкинский рабочий", в ту пору единственной, поучаствовать в исследовании обнаруженного "объекта", но меня вежливо выпроводили за пределы...

Долго еще эта история мне вспоминалась потому, что я не раз еще приезжал на строительство нефтебазы, но уже то место было намертво засыпано. И стройотрядовцы были из других вузов нашей необъятной, которые что-то слышали, но точно не знают. И вообще, считали это байки первостроителей, которые всегда чего-то раскапывают на "ровном месте"...

И тогда я, спустя много лет и полистав старые блокноты (жаль, не было тогда диктофонов!), увидел начало этой загадочной истории в далеких двадцатых годах нашего столетия. Причем, почти документальную историю, которая является одной из страниц предыстории нашего города Находки. Записано почти дословно из рассказов участников тех событий и старожилов, чьи фамилии в этой повести подлинны. За исключением придуманных автором для художественности сюжетной линии...

Итак, время и место действия: залив Америка, бухта Находка, село Владимиро-Александровское, деревни Голубовка, Лагонешты, Русский хутор, Американка и далее- прочие окрестности и берега, где мы нынче живем...

Десант

... В апреле, за неделю перед Пасхой, после полудня в залив вошел грузовой пароход "Свирск". Стал на якорь с южной стороны бухты Ченьювай (ныне Лашкевича). Мужики из Американки смотрели, как с парохода спустили два шестивесельных бота, в которые посыпались солдаты. От берега, куда подошли боты, до скалы, за которой находилась засада партизан, было с полверсты.

— Эх, чуток бы поближе, — пристраивая берданку на камне, пробормотал Костя Штабной.

— Ничего, — отозвался рядом Мельников, — Теперь у нас винтовки есть, достанем. Мы же много выше сидим...

Сверху было хорошо видно, как вооруженные солдаты прыгали в воду с ботов, высоко задирая ноги. Холодна, видно, была еще вода...

— Щас мы вам еще выше штаны замочим, — усмехнулся в бороду Лакиза. — Давай, ребята, пли!

Три нестройных залпа услышали в Американке. Потом несколько гранатных взрывов...

Гранаты партизаны бросили вниз так, для устрашения десанта, все равно они не долетели... Но там, на берегу, после первого залпа, половина солдат упала в песок, не добежав до берега, так же высоко задирая ноги, повернули обратно к ботам...

— Глянь-ко, ребята, своих бросают бялки! — закричал кто-то на скале.

И верно: боты развернулись, и, набирая скорость, помчались к пароходу. Уже не целясь, партизаны били им вслед из винтовок, многие уже спускались со скалы на берег, осмелев, поскольку со стороны белых почему-то не стреляли.

Но самое непонятное было потом. Пароход, пустив в небо черную шапку дыма, пошел к выходу из бухты. А два бота с солдатами так и остались качаться на воде, в белой струе от пароходного винта. Люди в них махали вслед руками, запоздало стреляя то ли вслед пароходу, то ли в сторону берега...

А по берегу бежали партизаны, продолжая на ходу стрелять по ботам.

— Стой! — кричал оставшийся на скале самый старший по возрасту Кондрат Шевченко. — Что вы делаете-то? Остановитесь!

Наутро к берегу прибило лодки, в них никого не было, в бортах не сосчитать дырок от пуль...

Никто не мог найти объяснения этому эпизоду. Почему пароход ушел, бросив своих? Сопоставив впоследствии ход событий, автор пришел к такому мнению — по времени этот десант пришел несколько раньше крейсера интервентов "Кент". Значит, это была разведка, проверка наличия сил в бухте. Но поражает другое: какой ценой это было сделано! Ценой гибели трех-четырёх десятков солдат, пусть и в форме колчаковцев. Интервенты намеренно послали их на смерть — вот в чем дело...

Расстрел

... Третий день Степан Лакиза отсиживался в камышах. Страх не было, только немного пугала неизвестность. Прошлой ночью, крадучись, побывал на месте гибели товарищей — тела их уже были убраны. Кем? Своими или белыми? Там стоял гошнотворный запах, и не сразу Степан понял, что так пахнет старая кровь. Он вспомнил, как дед Игнат говорил: "Когда кровь уходит в чрево земное, запах ее еще долго летает в воздухе, к возмездию вызывает..."

Страшные дни пережили обитатели Американки. Все понимали: от банды Юдина хорошего не жди. За последние десять дней в их тихом поселке перевернулся весь уклад налаженной жизни. А все началось с того, что в бухту вошел американский корабль и начал палить по поселку из всех орудий. Снаряды рвались на том самом месте на берегу, где совсем недавно рыбаки-артельщики устроили стоянку конфискованных у богача Стефана Лисина лодок. Оторопели мужики, да куда там — деда Гошку сразу разорвало на куски, а Иван Сорока упал с оторванной рукой.

После обстрела к берегу причалили несколько шлюпок. Поначалу подумали, что американцы, ах нет, русские, беяки. Хотя одна холера, те или другие. Солдаты сразу кинулись по домам, стали выгонять баб и ребятишек. У поселкового совета настигли мужиков, прикладами согнали всех в кучу.

Степан видел, как избивали Мишку Щербакова, по прозвищу Питерский. Бывший матрос с "Потемкина", он был сослан на сахалинскую каторгу. За годдо победы народной власти в России, бежал, поселился здесь, дом поставил. Умный был мужик, по всем вопросам за советом к нему ходили...

Беляки его к телеге привязали, стеганули нагайкой лошадь, и понеслась та, как оглашенная, по поселку. От Питерского одни окровавленные клочья остались. Мишку Дудко к перекладине на воротах привязали, и Лисин самолично к его ногам сеть с камнями подвесил. "Так, — кричал он на весь поселок, — с каждым голодранцем будет! Разбогатеть с хозяйского добра захотели? На, богатей, Мишка, вот тебе сеть, и вот тебе улов!" Висел Мишка, пока у него руки не оторвались...

После расправы с первыми, попавшимися под руку мужиками, по какому-то списку начали искать активистов комитета бедноты. Скоро человек восемнадцать согноли к амбару. Лисина закрыли на замок. Когда к амбару подъехал поручик Юдин, мужиков по одному стали выводить на допрос. Белых интересовало, где сейчас находится партизанский отряд Сидорова, который раньше базировался в районе Голубовки. Теперь его там нет, видно ушел куда-то.

Степан видел, как поочередно перед Юдиным стояли Серега Солдатов, Пашка Штабной, Тимоша Сажень, Иван Шершнев, Пашка Зюзин. По тому, как их прикладами укладывали наземь, Степан понял-ничего не сказали ребята.

Мужиков постарше вывели из амбара всех сразу, в их толпе затерялся и Степан. Тут-то Афанасий Быконя оказался рядом с ним и сунул ему в руку бумажную трубочку, толкнул парнишку в сторону-беги, сынок!

Степан рванулся в заросли камыша, затаился. Высунулся оттуда, когда крики конвойных удалились, осторожно пополз следом по вязкой болотине, рядом с дорогой, по которой повели мужиков.

В кровь разбил ладони и коленки, пока не выполз на какой-то пригорок. И тут, совсем близко увидел дядю Быконю, председателя совета. Он стоял, повернув лицо к поселку-высокий, коренастый, видный из себя мужик. В поселке его уважали за

справедливость и трудолюбие, за то и выбран был председателем на сходе комитета бедноты. Рыжий колчаковец, что-то крича, толкал его прикладом в спину- на белой рубашке видны были кровавые пятна. Афанасий отмахнулся от конвойного и сам подошел к стволу липы. Тесно, плечом к плечу, встали остальные комитетчики...

Загремели выстрелы. Упал Костя Штабной, потом Петр Чекедов. Степан зажал лицо руками, уткнулся в мокрую землю. Когда он поднял голову и взглянул на поляну, все лежали на земле. Между телами ходил офицер и из нагана достреливал еще живых. Убедившись, что все мертвы, он побежал догонять уходящий в сторону Голубовки отряд карателей. Это было 26 апреля 1919 года. Только на следующий день после расстрела белогвардейцы разрешили забрать тела комитетчиков: Афанасия Быкони, Петра Чекедова, Константина Штабного и других. Хоронили их при малом количестве народа, только родные, опустили грубо сколоченные гробы в родную землю, на которой они еще так мало успели сделать.

Другую версию гибели партизан, не расстрела, вспоминает внучка Петра Чекедова Алла Владимировна Шевцова, живущая ныне на улице Верховского, 5. Она пишет: " Я родилась в 1936 году и в моей семье всегда была память о дедушке Петре Чекедове и его жене Степаниде. Они были переселенцами с Черниговщины и поселились в деревне Американка в 1904 году. Мама моя родилась в 1914 году. Жили бедно. Когда пришли в деревню белые интервенты, кто мог, ушел в сопки. Но дедушка Петр Чекедов с товарищами не успел уйти, и их забрали белые. Наших было человек шесть, и мама говорила, что их засекали саблями. Маме было в ту пору 6 лет, и ее водили к этому страшному месту казни. Ей запомнился этот ужас. Их долго не давали хоронить, а когда разрешили, они были похоронены на нашем деревенском кладбище – в районе нынешней "Волны".

Очень им потом жилось тяжело без отца. Бабушка болела, и маме в 14 лет пришлось идти на работу. Ее взяли поваром в рыболовную артель, где председателем был Иван Щеблыко. Отец мой Шевцов Владимир Ильич родился в Американке в 1908 году и был он простым рыбаком. В 1932 году они познакомились с

мамой, сначала родился мой брат Александр, потом Николай. А уж я была последней.

А мой дедушка Илья Шевцов был волостным писарем. И в конце двадцатых годов его семья попала под раскулачивание. Во дворе был один слепой конь и одна корова, бабушка со всем управлялась сама. Она была сильная здоровая женщина и умерла в 89 лет. Сестра папы Ульяна Ильинична Потапенко и сейчас живет, ей 85 лет. А дядя Иван Ильич Шевцов прошел войну и имел много наград.

Вот такие у меня предки. А я и мои дети живем в Находке и гордимся этим городом, лучше которого нет на земле”.

Находкинцы, живущие ныне на этой земле, не забыли их. У бывшего кинотеатра “Волна”, вблизи того места, где они погибли, но не сдались, стоит теперь обелиск. Один среди многих на приморской земле..

Казнь разведчика

... А белогвардейцы утром того же дня втащили на сопку (где нынче старый телеретранслятор) 3-х дюймовое орудие. Вырубили на вершине дубняк, оборудовали командный пункт. Изредка оттуда слышались выстрелы: колчаковцы, развлекаясь, постреливали в сторону Американки по тем, кто осмеливался выйти из дома на улицу.

А в это время, не зная обстановки и желая узнать, что там за стрельба, командир партизанского отряда, стоявшего в деревне Лагонешты (ныне на этом месте садоводческое общество “Золотое кольцо”), выслал верхового разведчика Ваську Дудко. Молодой, горячий Васька попер напрямки, торопясь быстрее выполнить задание. И только, когда из кустов сверкнул прямо ему в глаза выстрел, осадил лошадь. Да было поздно — лошадь стала заваливаться набок. Васька соскочил с лошади, прямо с винтовкой за спиной помчался к Соленому озеру, по кустарнику, по сушиью. Его схватили у края болотины (там сейчас школа №23). Никто потом не мог сказать: отстреливался он или так и не успел сорвать винтовку со спины...

Когда его привели к дому поручика Юдина, там уже было

десятка два местных жителей, которые молча стояли на полянке у ствола дикой яблони (на месте бывшего здания управления греста Дальморгидрострой). Два рослых, с погонами белогвардейца привязали Ваську уздечкой к его же лошади, к стволу яблони.

— Чей это партизан? — указывая на Ваську, спросил Юдин. Мужики молча смотрели на него.

— Ну, что ж, пеняйте на себя. Он прошелся злобным взглядом вокруг. — Ладно, выберем потом. Сначала его, — нагайкой указал на Ваську. Поискал глазами кого-то позади себя, нашел:

— Ну-ка, Воронок, давай!

Степана как огнем ожгло, который оказался в толпе молчаливых мужиков, согнанных к яблоне. "Ворон, Воронок... Ищите Ворона - было в записке Афанасия...

Из-за плеча Матвея Коровникова Степан увидел чернявого парня, по команде Юдина выскочившего под яблоню. Он был явно не "американский".

— Откуда этот... Воронок? — шепотом спросил Степан Коровникова.

— А шут его знает, кажись, сучанский. Там все такие чернявые, угольщики, — так же шепотом ответил Коровников. — А може еще откуда...

— Что за разговоры, — подскочил к ним офицер. — Ты что сказал? — ткнул он наганом в Степана.

— Я говорю, не наш он, не здешний, ваше благородие, — указывая на приязанного Ваську, ответил Степан.

— Точно, не здешний, — выступил вперед Коровников. — Сучанский он, угольщик. Уголь нам привозит, втридорога дерет, паразит!. Никакой он не партизан, спекулянт ушлый. Отодрать, как следует, да и с богом...

— А винтовка? А убегал чего? — встрял в разговор чернявый Воронок.

— Да, кто нынче с ружьишком не бадуется, время поле такое-без берданы в лес ходить... — пробормотал Степан, отступая за спины мужиков.

Значит, не признаете? — спросил Юдин, все это время смотревший куда-то поверх яблони. — Ну что ж... Раз никто

поручиться за тебя не может или не хочет... Он подошел к Дудко: Тогда разговор окончен...

Юдин махнул рукой и отвернулся. Чернявый Воронок, выдернув откуда-то веревку, метнулся под яблоню и, ухватившись за нижний сук, полез на дерево. Полез прямо по привязанному к стволу Ваське, сдирая сапогами кожу с его лица.

Все смотрели на болтающиеся ноги Воронка. Трудно было оторвать взгляд от этого страшного зрелища. И когда вдруг раздался выстрел, потом сразу- второй, никто сначала ничего не понял. Присев от неожиданности, завертели головами...

Под яблоней уже никого не было, а метрах в десяти от нее лежал ничком на земле Васька Дудко, подтягивая под себя ногу, будто укладываясь поудобнее. Подбежавший поручик в упор выстрелил в него еще два раза.

Оказалось, что под тяжестью влезшего на разведчика Воронка уздечка оборвалась и, внезапно ощутивший свободу Васька, побежал в кусты. Тут и раздались выстрелы...

А Воронок с веревкой в руке растерянно сидел на нижнем суку яблони. Потом сирьгнул и побежал к берегу бухты. Туда же, не спеша, направились и белогвардейцы.

Мужики молча смотрели, как Юдин и его команда садились в две лодки, как таскали в них какие-то мешки и ящики. Когда оттолкнулись от берега и взялись за весла, из дома выскочила жена Юдина с ружьем и стала стрелять вслед лодкам. Зачем она это делала, никто так и не узнал, потому что к вечеру того же дня она исчезла из поселка.

А Степан и мужики смотрели, как лодки Юдина подошли к стоявшему метрах в пятистах от берега катеру. Как белогвардейцы перелезли на борт катера, оттолкнули лодки, и катер вскоре скрылся за мысом Астафьева. То, что он не мог уйти далеко, были уверены все в Американке. Значит, где-то там, в одной из маленьких бухточек у Юдина было оборудовано пристанище. В этом убедился и потом рассказывал в поселке один мужик с Русского хутора. Он видел, что на Лисьем валили лес и бревна плотом перегнали в Чадауджу. Стало быть, чего-то там строили...

“Ищите Ворона...”

... Весь остаток дня Степан бродил по поселку, раздумывая о случившемся под яблоней. В записке ясно было написано: “Ищите Ворона...” Но может, Афанасий не успел доцарапать фамилию полностью? Или- это кличка? И кому надо передать эту записку? Степан терялся в этих вопросах...

Он шел по тропе вдоль Каменки. Несколько мужиков возились с лодками, приготавливая их к весенней рыбалке- скоро должна валом пойти по речке красная рыба, вон туда, вверх, мимо дома Филиппа Быкони, в озеро Лебяжье.

Быконя... Конечно, брату Афанасия должен он показать эту записку! Степан прибавил шагу и вскоре оказался у дома Филиппа Быкони. Хозяин сидел на днище перевернутой лодки и горестно смотрел на крышу своего дома: шальной снаряд разворотил ее, раскидал обломки по двору, наповал сразил быка-трехлетку. Это больше всего огорчало Филиппа: крышу наладить не проблема, лесу кругом много, а вот бычка вырастить- это надо сколько времени!

Оглядев разрушенное хозяйство, Степан сочувственно присел рядом с Филиппом:

— Хочешь, помогу с крышей? Мне все равно пока делать нечего...

— Ладно уж, не к спеху. Тепло уже, как-нибудь сам... — Степан еще посидел молча, посмотрел на поворот речки, за которым вчера были закопаны четверо расстрелянных односельчан:

— Слушай, Филипп, а Афанасий с каким отрядом был связан? — спросил он напрямик.

— Не знаю я. Кажись, с голубовскими. Только где их сейчас искать? Все разбежались. А тебе зачем?

— Понимаешь, спас меня Афанасий от смерти. Записку непонятную сунул в последний момент, какого-то Ворона надо найти. Я думаю, который их выдал белякам. Не знаешь такого?

— Чего ж не знать. Был я на Рождество в отряде, видел этого Ворона. Воронок его звали, молодой, чернявый. Вроде рассыльного при штабе был. Потом, сказывали, ушел, сгинул где-то. Может, тигра задрал...

— Во, во, чернявый! А не знаешь, откуда он взялся там, в Голубовке?

— Не знаю. Как пришел, так и ушел. Шустрый такой был, услужливый. Прижился там...

— А ты не был сегодня там, у яблони? Помощничек у Юдина объявился, гад такой, чернявый. И тоже Воронком Юдин его звал...

— Не был я там. На сопочке прятался, видел, оттуда, как банда Юдина на катер садилась..

— Ушли они. Только вот- куда? Неизвестно. А мне этот Воронок, ох как нужен!

— Недалеко ушли, вроде. Завернули за мыс и стали. По берегу чего-то бежали. Может, и сейчас там стоят...

К вечеру того же дня, когда Юдин ушел за мыс, прибежал к дому Лакизы сосед его, Басенко, обвешанный весь какими-то проводами.

— Во, сгодится в хозяйстве...

— Откуда это ты приволок? — лениво спросил Степан, все еще сидевший во дворе Филиппа и никак не решивший, куда податься.

— А вон там, — махнул Басенко рукой в сторону сопки, откуда беляки стреляли из орудия. — Ушли они уже, а в траншеях оставили всякого барахла...

— Куда ушли? Вроде здесь не проезжали...

— Откуда я знаю? В сторону Людянзы, наверное, видел сверху- пылило там, обоз ихний, верно...

Наутро Степан решил идти в Голубовку, может, встретится кто из партизанского отряда и поможет разобраться с этой непонятной запиской.

Но тут, к счастью, прибыл из Владивостока уполномоченный штаба всех партизанских отрядов Приморья. И прямо к Басенко, тот был старостой в Американке:

— Ну, как тут у вас, колчаковцы сильно позверствовали?

— Да было дело, вон могилка свежая. Степан тебе много расскажет, он что ни на есть в самой пекле был...

Степан и рассказал все, что видел, как от смерти едва уполз, спасибо Афанасию Быконе. И показал записку.

— Ворон этот, Воронок, ошивался тут в подручных у Юдина. С ним и ушел на катере, чего-то там долго стояли, прятали чего-то на берегу за мысом. Видишь, на записке какая-то картинка вроде нарисована: Я ночью разглядел: берег какой-то...

— Дай-ка погляжу. Точно, береговая черта, а напротив-остров, что ли... Ну- как, Басенко, взглянь, не узнаешь: Похоже, остров Лисий изображен...

— Кажись, похоже, — оживился Басенко. — И как раз напротив него катер Юдина крутился. Надо бы туда сходить, посмотреть.

— Соображаешь, — одобрительно сказал уполномоченный, Сапеус его фамилия была. Из литовцев или эстонцев, где-то в районе Шкотово много их, целая рыбацкая артель из переселенцев.

— Спускай лодку, пойдем, сходим туда, — уже командным голосом сказал Сапеус. — Оружие у кого есть?

— Да, найдем, раз надо...

Влезли в чью-то лодку на два весла и по Каменке спустились вниз, вышли в бухту. Был полдень, еще не летнее солнце стояло низко, светило прямо в глаза. Басенко греб не шибко, по-рыбацки, но нос лодки, как по ниточке, держал на мыс Астафьева, который постепенно вырастал впереди.

— Приставай здесь, — приказал Сапеус. — Дальше пойдем пешком, поверху. Так надежнее...

Причалили. Сапеус переложил наган из заднего кармана штанов в карман куртки-брезентухи. Посмотрел на Степана и Басенко:

— Разбирай оружие, ребята. — кивнул на дно лодки, где лежали два ружья.

В зарослях орешника и дубняка нашли тропу, которая едва заметно петляла по сопке вверх. Минут через двадцать сквозь заросли увидели прямо перед собой остров Лисий.

— Теперь тихо, ребята, за мной, — оглянулся Сапеус.

— Тут обрыв должен быть, высокий, — прошептал Басенко.

И вдруг тропа оборвалась, уходя круто вниз, там было темно и страшно. К крепенькому дубку была привязана веревка, сплетенная из лиан, держась за нее, стали спускаться.

Внизу, на берегу был слышен негромкий шум прибоя. И сквозь него прорезался голос.

— Там они, — прошептал Сапеус. — Смотрите...

Недалеко от берега стоял тот самый катер, от него только что отчалила лодка, шла к берегу. В лодке — двое. Один греб, другой стоял, смотрел вперед, что-то кричал тому, кто был на берегу.

Этот голос и слышали мужики. До береговых камней оставалось совсем немного, когда из-под чьей-то ноги покатился вниз здоровенный булыжник. Тотчас же снизу раздался выстрел. Сапеус рванул из одного кармана наган, из другого — гранату, швырнул ее вниз, наугад. Там кто-то сильно закричал, когда грохот взрыва стих, а лодка стремительно развернулась и пошла обратно к катеру.

Степан не помнил, как скатился на прибрежные камни, ружье осталось где-то сзади, глаза залепило песком. Он слышал еще выстрелы, грохот, пока протер глаза, увидел Сапеуса с наганом в руке, направленным за большой валун. Басенко не было нигде. Сапеус махнул рукой, подзывая Степана.

За валуном, скорчившись, лежал человек, шевелился, пытаясь встать. Краем глаза Степан увидел катер, который уходил к Лисьему, с катера стреляли, да, видно, не прицельно, пули свистели где-то выше.

— А ну-ка, переверни его, — приказал Сапеус.

Степан с трудом перевернул человека на спину — Юдин!

— Вот он, сволочь, не ушел! — сказал Степан. — Юдин, этот самый...

Та-а-а-к, — протянул Сапеус. — А где Басенко?

— Да тут я...

Оказывается, он, примостившись за камнем, стрелял из своей берданы в катер.

— А мы и не слышали, — рассмеялся Сапеус. — Вот какая заварушка вышла... Ладно, не притворяйся, вставай, вижу, что ранен...

Это Сапеус уже Юдину сказал. Засунул наган в карман и помог Юдину встать. Тот со злобой посмотрел почему-то на Степана, потом на удаляющийся катер...

— Степан, — приказал Сапеус, — беги назад, пригони сюда лодку. А то мы этого бугая не дотащим.

— А мы тут пока поговорим с господином поручиком. Так, по какому случаю здесь задержались, господин Юдин?

— Не ваше собачье дело, — привалившись спиной к теплому камню, процедил тот.

— И все же? И я попросил бы не “собачиться”, а отвечать, поскольку беседа у нас, считайте, официальная и предварительная, продолжение будет позже, там, перед народом, перед судом...

— Если мы уйдем отсюда вместе, — усмехнулся поручик. — В чем я сильно сомневаюсь...

— Отчего же? Помощнички ваши ушли в сторону моря, как говорится. А других - вряд ли предвидится в ближайшее время. Значит, не хотите сказать нам причину задержки на этом берегу?

— Устал я, отвяжитесь... Поручик отвернулся. Сапеус проследил его взгляд и вдруг увидел под скалой темное пятно свежевзрыхленного песка, наспех забросанное камнями.

Сначала он подумал, что это следы разрыва его гранаты, но, пошарив глазами по берегу, увидел воронку метрах в двадцати от скалы, ближе к воде. Сапеус, кивнув Басенко на поручика: “Присмотри...”, направился к скале. И тут с Лисьего ударил пулемет. Крупнокалиберные пули с сухим треском защекали в прибрежные камни, всхлюпывая, уходили в песок.

Поручик вдруг вскочил и, петляя, побежал по берегу.

— Стреляй! — неизвестно кому закричал Сапеус, забыв про свой наган. Когда ударила еще одна пулеметная очередь, он упал, как-то неловко защемяв ногу между камней, и руки его были заняты этой самой ногой. Но он видел мелькающую спину Юдина, и рука сама нашла наган...

Пулеметчик на Лисьем еще дважды нажимал гашетку, но, видимо, решил, что хватит, больше не стрелял. Сапеус, наконец, выдернув ногу, лежал за камнем, наблюдал за противоположным берегом, высматривая, где бы мог быть пулемет. Расстояние было

приличным, что-то около версты, и даже если кто-то там появится из нагана не достать. Сапеус это понимал и все же некоторое время держал на мушке три росших тесно дубка, где мог быть укрыт пулемет. Однако там было тихо.

"Наверное, эти, с катера там засели", — подумал Сапеус. А сейчас должен Степан появиться на лодке, ведь ухлопают. Что делать?

Но, оказывается, Степан сам, услышав стрельбу, остановил лодку за мысом, вышел на берег и сейчас полз ужом между валунами...

... Ползком они едва дотащили вторично раненого поручика за поворот, погрузили в лодку и ушли в поселок. В тот же день Сапеус, взяв из охраны двух мужиков, на подводе увез поручика во Владивосток.

— Там подлечат его, — сказал он, — а потом будем судить.

— Ты уж, дорогой товарищ, привези его обратно, мы его сами здесь должны судить, — сказали в один голос Тимофей Кривонос и Кондрат Шевченко и, задрав рубахи, показали исполосованные шомполами спины. — Его работа...

Чекист Сапеус

...Жизнь в Американке понемногу налаживалась. Через неделю пришел присланный Сапеусом военный катер, обследовали Лисий, но ничего не обнаружили. Пулемет действительно был под тремя дубками — под ними россыпь стреляных гильз, да забытый мешок. Видимо, так поспешно бежали, что обронили. В мешке — новые сапоги, чехословацкие, брюки солдатские, полотенце, прочее бельишко, из чего заключили, что был тут кто-то из команды Юдина. Куда ушли — никто не видел.

А с ними пропал и Воронок. Далекое не должен уйти, подумал Степан, некуда ему идти, где-нибудь да объявится.

Сапеус, видимо, забыл поручить посмотреть, что там делала на берегу юдинская команда, а может, решил это сделать потом, сам. В поселке стало известно, что он назначен в их район уполномоченным Приморской ЧК и должен скоро приехать. Степан решил его дожидаться.

Но Сапеус приехал только под самый праздник, в октябре.. В поселке готовились к первой октябрьской демонстрации. На сельсовете вывесили большой красный флаг, флаги поменьше были и на других домах.

Когда послышался рокот мотора, на крыльцо сельсовета вышел Басенко, его недавно избрали председателем. Из большой черной машины, американской, определили стоявшие тут же мужики, вылез Сапеус. Поздоровался со всеми за руку, крикнул кому-то в машине:- Приехали, вылезай!

Из крытого кузова выпрыгнули два солдата, встали по бортам. Оттуда задом вперед сполз еще один человек, встал, оправил китель, мужики вытаращили глаза:

— Иж ты, какой гладкий стал, откормили борова на казенных харчах...

Бывший белогвардейский поручик Юдин и так-то был крупный, в теле мужчина, но после госпитальных харчей, да лежания там, совсем округлел. Он стоял возле машины, глядел на Сапеуса, как бы спрашивая, куда идти.

— Вот, мужики, обещал- привез. Тут будем судить, следствие в основном я закончил, — похлопал он по папке, торчавшей из-подмышки. — Остались кое-какие детали на месте уточнить...

— Есть куда поместить его, председатель? — спросил он Басенко. — Есть, есть, — закивал тот. — Как не быть, где же мы своих мазуриков держим?...

Солдаты увели Юдина в дом. Суд над ним решили отложить на после праздника.

Пятую годовщину Революции, и первую в Приморье, в поселке отмечали торжественно. С большой речью, заглядывая изредка в бумажку, перед собравшимися у здания сельсовета выступил председатель Басенко. Потом со словами приветия от имени владивостокских товарищей вышел на крыльцо уполномоченный ЧК Вергалиус Сапеус. Мужики, впервые услышавшие его диковинное имя, долго перешептывались, потом кто-то крикнул:

— Извиняемся, а как будет по-русски?

— По-русски? — растерянно переспросил Сапеус. — Не знаю...

— Ладно, потом придумаем, — засмеялись "американские" мужики.

Построившись в колонну — большая получилась колонна, сами не ожидали, что столько народу соберется, с песней "Мы наш, мы новый мир построим...", слова которой накануне во многих экземплярах переписывали грамотные мальчишки, пошли на поляну, к той яблоне, почтить память погибших односельчан...

Через неделю после праздника расстреляли бывшего белогвардейского пособника — поручика Юдина. Однако, тех двоих из его команды, которые ушли с ним на катере за мыс Астафьева, больше никто не видел. А полузатонувший катер впоследствии обнаружили на камнях в Чадаудже...

Мишка Питерский

... Степан долго еще лежал и молча плакал, роняя крупные слезы на родную землю. Затем, вспомнив, развернул бумажную трубочку, уже сильно помятую и грязную, которую ему дал Афанасий. Вверху листа, то ли обгоревшей спичкой, то ли просто угольком были нарисованы какие-то извилистые линии. А ниже Степан разобрал буквы, с трудом сложил их в слова, и получилось: "... ищите Ворона, он, сука, знает, где..." Больше ничего разобрать было нельзя. Что за Ворон? И что он знает? Степан ничего не понимал. Человека с такой фамилией он не знал, по крайней мере, среди "американских" мужиков. Может, это кличка? Догадка мелькнула в голове Степана, он присел на камень и стал вспоминать события недавних и последних дней...

В конце семнадцатого года в эти места долетела весть, что скинули царя. Все местные богатеи заволновались, да и многие мужики растерялись. Как же без царя, мол, пропадем ведь. Тут-то и объявился Мишка Питерский, стал агитировать за каких-то большевиков, разъяснял, что там, в России, произошло и что теперь надо делать здесь. В первую очередь, говорил он, надо отобрать у богачей землю, а кто занимается рыбалкой — пусть экспроприирует (он по слогам произнес незнакомое слово) у

братьев Макаручиков, у Клинтака, у Эккермана, у Лисина, у Пашки Моисеенко лишние рыбацкие снасти и лодки. "Артельно будем работать, коммуной", — говорил он. Артельно- это было понятно, а что такое коммуна, никто не знал...

И Питерский добавил, что в одиночку такое дело не осилить и сказал, что надо организовать комитет для решения общественных вопросов. Тут как раз из уезда пришло указание насчет того, что комитет создается голосованием. К письменному указанию были приложены два ящика с бюллетенями. В одном- бюллетень № 2, в другом- №9. Растерялись мужики: за какой номер голосовать?

Мишка Питерский разослал пацанов во Владимиро-Александровское, в Голубовку, в Лагонешты и другие деревни с поручением прислать своих делегатов на выборы новой власти. Пока гонцы летали по деревням, местный поп из Сучана по фамилии Романов, собрал прихожан и стал призывать голосовать за №9, потому, что "без царя никак нельзя, погибнет Россия без царя". Его поддержал поручик Юдин, исполняющий обязанности начальника местного гарнизона, состоявшего из бывших солдат да мужиков-добровольцев.

В день выборов из деревень прибыли делегаты. Первым перед ними выступил Питерский и внес ясность: бюллетень № 2- это Россия без царя, это вся власть рабочим и крестьянам во главе с товарищем Лениным.

— И еще, — сказал он, — эта власть уже по всей России установлена, вот и до нас, до самой окраины очередь дошла.

Началось тайное, непривычное, голосование. Ящики с отверстиями поставили в школе, в разных комнатах, входили туда по одному, и никто не видел, кто в какой ящик бросает свою бумажку. Потом ящики принародно открыли, сосчитали, разложили на две кучки- и Питерский поздравил всех с победой новой, Советской власти. Тут же возле школы, накрыли стол вскладчину и отпраздновали первую победу над богатеями. Поп Романов, ругаясь по- мирскому, на чем свет стоит, сел в повозку и укатил восвояси. (Через год он был расстрелян по приговору партизанского штаба отряда Гавриила Шевченко, прозванного впоследствии Дальневосточным Чапаевым).

А комитет для решения общественных вопросов был тут же переименован в комитет бедноты, и председателем его выбрали Афанасия Григорьевича Быконю.

Побег Юдина

... Степан не зря вспомнил эти события и поручика Юдина, поскольку с ним связан был и другой эпизод.

Уже в девятнадцатом году, ранней весной, колчаковский отряд, численностью около трехсот штыков, появился в Сучанской долине явно с карательными задачами. Только в районе Перетино его удалось с трудом остановить бойцам партизанского отряда Сидорова. Завязался отчаянный бой, в ходе которого небольшая группа белогвардейцев прорвалась с одним орудием к Владимиро-Александровскому. На помощь александровцам двинулись вооруженные в основном берданами, активисты из Американки и Голубовки.

Старший отряда добровольцев Афанасий Быконя перед выступлением решил забрать оружие у поручика Юдина, которое у того имелось как начальника гарнизона. Когда Афанасий, Петр Чекедов, Василий Лакиза и Костя Штабной вошли к нему в дом (этот домик еще в 1960 году я видел позади магазина "Дельфин" ТМТ на улице Портовой), то увидели на стене два винчестера, две винтовки, два охотничьих ружья и саблю. Сдать оружие Юдин отказался, комбедовцы сами сняли его со стены и Штабной сказал поручику:

— Собирайся, пойдешь с нами бить колчаковцев во Владимиро-Александровском.

Вышли во двор. Юдин, не спеша, оседлал коня, вскинул через плечо свою именную шашку, и двинулся позади Афанасия. Скрытно подошли к Сучану. Дальше место было открытое, лед на реке черный, мартовский, но еще, видать, крепкий. На другом берегу никого не заметили. Посоветовавшись, решили для экономии времени перейти здесь и выйти под самое село. Только сунулись на лед — из-под сопки ударил пулемет. Залегли, стали отползать и не заметили, как Юдин поскакал по льду, размахивая саблей. Так и ушел к колчаковцам.

— Выпустили, гада, — досадовал Быконя, — попомните, мужики, он нам еще наделает делов.

Так оно потом и вышло.

— Не его ли имел в виду Афанасий в этой записке? — подумал Степан.

Черный Куст

У Степана Лакизы в эти дни накопилось немало неотложных дел. В районе активно начали действовать китайские бандиты-хунхузы, группы недобитых колчаковцев рассеялись по окрестным лесам да урочищам. В этой обстановке уполномоченному уездного ЧК Сапеусу нужны были молодые, энергичные и преданные помощники из местных. Председатель сельсовета Басенко решил, что одним из них должен быть Степан Лакиза. Но тот засомневался...

— Расстреливали тебя? — убеждал Басенко. — Расстреливали... Быконя, тебе поручил найти предателя? Тебе. Так что, ты и должен помочь Советской власти вычистить эту нечисть с нашей земли...

— Ладно, — согласился Степан. — Что делать-то надо?

Рано утром Сапеус и Степан выехали на лошадях во Владимиро-Александровское. Вчера оттуда был посыльный от начальника местной милиции и сообщил, что три брата Космынины убили в Унашах двух милиционеров, забрали на складе две бочки конфискованного у контрабандистов спирта и подались в сопки. По дороге заглянули в Хмыловку, запаслись там мясом и, по всей вероятности, ушли на Черный куст. И неизвестно, сколько у них оружия...

— Вот он, тот самый Черный куст, — показал Степан Сапеусу на самую высокую сопку, вершина которой была скрыта облаками.

— Ничего себе "кустик", — пробормотал Сапеус. — Это сколько ж туда надо добираться?

— Да уж без проводника нам ни в жисть не найти туда дорогу. Надо в Александровке поискать проводника...

— Дело говоришь. Братьев-трое, может и еще кто с ними есть.

Не взять их нашей малой силой, — согласился уполномоченный.

Во Владимиро-Александровском сразу проехали к начальнику милиции. Тот в одиночестве сидел на крылечке, рядом на чистой тряпочке были разложены части огромного маузера.

— Наконец-то, — сказал он, вставая навстречу. — Уж думал не добрался мой гонец до вас. Кто-то опять тут ночью появлялся. Вот, — показал он на разобранный маузер, — пострелять пришлось...

— Сколько людей у вас есть? — спросил Сапеус.

— Да четверо парней есть, надежных...

— Из местных?

— Да нет, местные-то боятся... Да я тут взял дядьку тех братьев-то, охотника, таежника, — оживился начальник милиции. — Так, на всякий случай. Если его погрести, дак он дорогу укажет на этот Чертов куст. Я ведь тоже, к обиде, не местный, — развел он руками.

В задней комнате милицейской хаты, без окон, сидел на лавке здоровенный мужик, клочковатая беспорядочная борода делала его лицо страшным, звероподобным. Он тяжело поднялся, хмурясь от света открытой двери, не торопясь, вышел в горницу.

— Еще один начальничек явился, — глянув на Сапеуса, пробормотал дядька. — Слышал я, что вы тут гуторили. Ни к чему мне это дело, начальнички, на племяшей вас наводить. Сами имайте, если сможете...

— Не гоношись, дядя. Поймаем и без тебя. Только уж тогда и тебя с ними вместе к стенке поставим. Это дело тебя устраивает?

Дядя молчал. Долго сидели, разглядывая друг друга, словно в молчанку играли.

— Ладно, — не выдержал, первым нарушил молчанку дядя. — Доведу я вас до той сопки, покажу, куда дальше идти. И- все, наверх не пойду, не от вас, так от своих пулю получу...

— Сколько ходу туда?

— На лошадке-то не проедешь, а пешем- часов пять.

... Шли молча. Еле заметная, ненагуленная тропа петляла по распадкам так хитро, что не знающему лес человеку трудно и принять было это за тропу. А когда тайга выбросит всю свою зелень, да распухнет, да расцветет, так и вовсе скроет все на

свете, оставив по низу растительности только сырость многослойной прелой листвы.

Сапеус шагал вслед за старшим Космыниным. Сзади сопел Степан, на нем-пятеро парней-добровольцев из Владимиро-Александровского. И замыкал отряд начальник милиции.

— Поотстаньте чуток, — обернулся внезапно дядька. — Чтобы возле меня никого не было, перебьют... Одного меня могут пропустить... А там, уж...

— Только без фокусов, дядя. — согласился Сапеус. — Не то с двух сторон дырки получишь.

Тот лишь покосился на чекиста, повернулся, и так шел уже третий час, не оглядываясь, далеко впереди. Несколько раз Сапеус уже пытался кликнуть его, чтоб остановился передохнуть, да боялся шум поднять в этом сумрачном лесу.

И тропа незаметно стала подниматься вверх, значит, уже близко конец пути. Молчаливые черные плети кустов, голые деревья усиливали состояние внезапной опасности, которая может грянуть выстрелом с любой стороны. Даже сзади. Поэтому Сапеусу приходилось не только держать на прицеле спину проводника, но и оглядываться на замыкающего милиционера. Тот каждый раз поднимал руку с маузером, мол, тут я, начеку!

Шедший сзади молодой помощник уже дышал часто, со свистом глотая прелый воздух. "Устал парнишка, надо все же остановить этого таежника, передохнуть, посоветоваться. Неизвестно, сколько еще топать по этой звериной тропе", — подумал Сапеус, и уже прибавил шаг, чтобы догнать проводника.

Но тот вдруг присел так внезапно, что Сапеус на секунду потерял его из виду и, бросившись вперед, чуть не налетел на лежащего на тропе проводника. Тот, полуобернувшись, шипел и судорожно махал рукой: "Ложись!" И пальцем тыкал куда-то вперед.

— Все, начальник, теперь отпусти, нельзя мне дальше. Гляди, — зашипел он в ухо Сапеусу, когда тот упал рядом.

Впереди было сажений на триста мелколесье, дальше стояла густой стеной низкий дубняк, и на границе этого поднимался к небу дымок, вроде как прямо из-под земли. Ни зимовья, ни какого-нибудь шалаша не было видно.

“Не туда глядишь, — прошипел проводник, — вон туда...”

В той стороне, видимо, тоже по тропе, шел на дымок человек с котелком в руке, из-за головы торчала надетая на плечо винтовка. Он остановился, поднес ко рту котелок, стал пить, и поверх котелка его глаза встретились с глазами Сапеуса. Секунду они смотрели так друг на друга, котелок стал медленно падать, с глухим звоном упал на камень...

В ту же минуту грохот выстрелов рванул тишину тайги. Сапеус вскочил. И, перепрыгнув через лежащего проводника, побежал на этот грохот. Он успел увидеть, как два его парня смяли того, с котелком, прижали к земле. Остальные тяжело топали сзади.

Как и рассчитывал Сапеус, бандиты не ожидали нападения и, дав несколько неприцельных выстрелов на звон котелка, теперь молча соображали, что происходит. Да и спирт, видимо, был у них не для растираний...

В общем, взяли их тепленькими. У костра, разведенного в яме, лежали трое мертвецки пьяных, еще двое безуспешно пытались дергать затворы винтовок пьяными руками. Еще кто-то, убегая, ломал телом кусты.

— Вяжите, — приказал Сапеус. А сам побежал в сторону, намереваясь обойти убежавшего. Степан — за ним. Треск впереди умолк, притаился. Потеряв ориентир, Сапеус присел, быстро оглядывая то место, где по его расчетам, спрятался бандит. Но пуля ударила совсем с другого бока... Сапеус повалился головой на черную землю...

Степан бил в кусты пулю за пулей, пока не кончилась обойма. Но никого там потом не нашли. Только глубокие, четкие следы американских ботинок убегали вниз, вниз...

Возвращались той же тропой. Впереди несли на брезенте, найденном у костра, тело Сапеуса.

На допросе бандиты признали, что был с ними еще один, чернявый, Воронком назвался, он-то и уговорил их провести его через лес, обещал много денег, да вот ушел, подлюка, не расплатился...

Сапеуса с почестями похоронили на сопочке, которую круто огибала быстрая речка Каменка.

Контрабандисты

Более трех месяцев прошло после гибели чекиста Сапеуса. Все это время Степан безуспешно пытался найти кого-нибудь, кто знал бы Воронка, или Ворона. Он так и не понял, какая фамилия настоящая. Многие его видели, но никто точно не мог сказать, чей он и откуда взялся тут.

Наверное, нельзя сказать, что Степан все время занимался поисками чернявого, дел много навалилось, поскольку с легкой руки председателя сельсовета, он продолжал работать в уездной ЧК в Американке. В последнее время сильно зашевелились, можно сказать, совсем обнаглели контрабандисты, в основном, спиртовозы.

Но иногда попадалась ему на глаза та записка - она хранилась в сейфе у Басенко. Он уже догадался, что записка не была адресована кому-то конкретно, Афанасий Быконя просто назвал имя предателя, выдавшего партизанский отряд, или кличку его, и тем самым хотел предупредить односельчан. Но, может быть...

Это "может быть" и не давало Степану покоя. И всякий раз, изучая записку Афанасия, видел чернявое лицо Воронка там, под яблоней. В тот раз он ничего не мог сделать, ладно, такие обстоятельства были. Но ведь потом Воронок дважды почти был у него в руках. Но опять обстоятельства помешали...

"Везучий, гад! — думал Степан, уже почти уверенный, что именно этого чернявого имел в виду Быконя. Ушел, наверное, к хунхузам. А то и за кордон, куда ушли многие...

Но тень Воронка еще раз мелькнула перед ним...

Охрану всего побережья от Ливадии до мыса Поворотный осуществляли два пограничника, да Степан как бывший помощник Сапеуса был приписан к ним. И как бы уже имевший опыт борьбы с бандитами. Басенко так и сказал:

— Советская власть поручает тебе это дело, сам видишь, распоясались и обнаглели наши местные хунхузы, наживаются на нашей кровушке. Берись, наводи порядок, а мы всегда поможем, если что...

И то сказать: за пачку спичек спекулянты на базаре во

Владими́ро-Алекса́ндровском снимали последнюю рубаху с мужика, а уж за фунт соли вовсе немыслимую цену назначали.

Степан перво-наперво и занялся организацией отлова спекулянтов, имея идею через них выйти на тех, кто и откуда все это доставляет. К тому же, в деревнях стали появляться большие партии спирта, который, как говорили мужики, можно было достать задешево, "дешевле махорки". А где спирт, там и пьянки, и поножовщина.

Вот недавно братья Кругины расстреляли друг друга, найдя в кустах бухты Ченьювай ящик со спиртом. Аккуратный такой ящик, цинковый, красиво запаянный кругом. Там же на берегу проткнули его и, унюхав, приложились раз, другой... И понеслась душа в рай!

Когда промышлявшие рыбу под Сестрой рыбаки услышали выстрелы за мысом и подгребли туда, то увидели два трупа, в которых опознали братьев Кругиных. Рядом валялись две берданы. Стали их затаскивать в лодку и только тогда поняли, что оба "вусмерть" пьяные. Нашли и ящик. Оба "трупа" привезли домой, сдали женам. А ящик пропал бесследно. Степан так и не дознался.

— Мужики, — говорил он, — отдайте хоть пустой-то, для вещественного доказательства. Он слышал эти слова еще от Сапеуса, и хоть не совсем понимал их значение, знал, что это надо сделать, то есть собирать предметы контрабанды.

Уже дважды мужики, возвратившиеся с ночной рыбалки, говорили Степану, что видели неизвестные лодки, заходившие ночью в бухту, но не осмеливались подойти к ним.

Решили устроить там засаду. Еще днем Степан и два его помощника отогнали лошадей, погастись у Пяти ручьев (ныне улица Ленинская), а сами в здании сельсовета расположились. Портянки развесили на заборе- пусть видят все, что здесь стражи границы ночуют, ужинать уселись во дворе, на виду.

Но как только стемнело, содрали портянки с забора, сапоги в руки- и по кустам ушли к выпасу. Вскочили на лошадей и вскоре были на берегу бухты Людянза. С обрывистой сопочки хорошо просматривалась светлая полоса горизонта, четко разделившая море и небо. Но чем ближе к берегу, тем темней и кромешней

был цвет воды. И только неумолчный шум прибоя выдавал береговую полосу.

— Если пойдут под берегом, черта с два их тут увидишь, — сказал один из спутников. — Надо бы пониже спуститься.

— Верно, — согласился Степан, — не увидим, так услышим.

... Всматриваясь до боли в глазах в светлую полосу горизонта, на фоне которой должны были, по идее, четко отпечататься силуэты лодки или шаланды ночных гостей, никто из троих не заметил выплывшую из-за мыска справа, по-кошачьи неслышно, длинную сигару корейской фелюги. Она с тихим шорохом проутюживает песчаное дно, темны фигуры перемахивают через борт, тянут фелюгу на берег.

Степан стал осторожно приподниматься и краем глаза увидел чуть позади себя и несколько выше — огонь фонаря. Кто-то зажег "летучую мышь" — сигнал контрабандистам?

— Гриня, — шепнул он, — давай туда. Видишь? Надо взять сигнальщика...

Гриня молча исчез в темноте.

— Филипп, сколько их? — спросил он второго помощника.

— Кажется, пятеро. На берегу. Сколько в лодке осталось — не видать...

Прямо перед ними продолжалось торопливое движение теней. Вдруг сильно всплеснула вода: что-то тяжелое уронили с лодки. И до сидевших в засаде донесся приглушенный голос: "Нурыяй, сволочь, доставай, да- тихо!"

Степан сжался, словно для прыжка — он узнал этот голос, хотя слышал его лишь раз там, под яблоней. Воронок! Вот, значит, кто к нам пришел. Сердце, казалось, выскочит из груди — Степан прижал его ладонью, приглушил будто, успокоил.

Он оглянулся. Фонарь еще светил...

— Филипп, лодку упускать нельзя. Пойдешь за мной, в сторонке. Когда увидишь, что в лодке больше двух — бросай туда гранату. Только, точно в лодку, иначе...

Что будет иначе, Степан не договорил. Полусидя, он снял куртку, оставшись в белой холщовой рубаше, засунул наган в голенище сапога, встал. Пошел вперед, стараясь, чтобы огонь фонаря был точно за спиной и не был виден с моря. Суэта на

берегу, будто по команде, прекратилась его увидели, точнее, его белую рубаху. Степан верно рассчитал - приняли за своего, пограничники в белом по ночам ходить не станут. Он шел и считал шаги. На берегу молчали, ждали. Тридцать шагов, сорок...

— Эй, — окликнули негромко, кажется, с лодки. — Автух, ты?

— Я, я, чего шумите, — тоже негромко, изменив голос, откликнулся Степан. Он чувствовал, что где-то слева шуршит по кустам Филипп.

— Ты один? — опять раздалось с лодки. Точно, Воронок там, надо спешить.

— Да один, один, чего разорались? — Степан уже выходил на песок, мокрый, он захрустел под сапогами. В лодке — он увидел отчетливо — стояли трое. "Куда подевались остальные? — мелькнуло в голове. — Окружают?"

Неожиданно трое в лодке исчезли, видно, упали на дно. Степан быстро оглянулся — фонарь не горел...

— Филипп! — закричал он, падая на мокрый песок...

Письма из старого сундука

В середине 50-х годов в Транзитке начали сносить длинные деревянные бараки и на чердаке одного из них, на улице Линейной, 1, что в районе нынешней улицы Постышева, мальчишки нашли старый сундук. Стащили его вниз, на улицу, сбили заржавевший замок.

Среди всякого тряпья, уже изрядно сгнившего, был плотно завязанный брезентовый сверток. Когда разрезали бечевку, из свертка извлекли пачку бумаги, каждый листок был исписан с двух сторон. Невеликие грамотей были местные мальчишки и не смогли разобрать написанное.

Тогда самый шустрый из них Серега Парьев снова сложил их в брезент и засунул пакет за пазуху, дома, мол, попробую почитать. И кое-что прочел...

Когда автор сей повести познакомился с Серегой в 60-х годах, уже работая корреспондентом городской газеты "Находкинский рабочий", Парьев подарил мне эти письма, откуда я многое и позаимствовал для данной работы.

Но многое осталось для меня так и непонятным. Какие-то события, факты, фамилии появлялись и исчезали насовсем из памяти писавшего эти письма, и адресат их был утрачен, ни одного конверта не было в пакете, только листки.

Но в двух или трех письмах вдруг мелькнула фамилия — Воронов, даже в одном он назывался — Воронок...

"...Второй год, после окончания института, живу и работаю вдали от родных мест. Часто вспоминаю дом, перебираю в памяти события двадцатых годов. Сколько тогда погибло хороших людей! Надо, наверное, как-нибудь собраться с мыслями и засесть все это описать. Рассказать, что происходило на берегах нашей бухты в годы нашей юности. Живу мечтой о встрече с тобой, но пока нет возможности отсюда уехать.

В брянских лесах еще полно бандитов из числа предателей, служивших фашистам в войну, и я причастен к борьбе с этими прихвостнями. Они зверствуют в

деревнях, в хуторах и нас, молодых, иногда привлекают к уничтожению каких-то немногочисленных групп, выходящих из леса в поисках провизии, оружия. Вот когда покончим с ними, тогда может быть и удастся приехать домой.

Ты, сестренка, хорошо сделала, что пошла в строители. Когда-то нам казалось, что наша Американка так и останется навсегда деревней. А вы уже начинаете строить большой порт...

Первое, что мы с тобой, сестренка, сделаем, когда я приеду в отпуск — найдем могилу отца. По моим сведениям, он похоронен где-то в районе Екатериновки.

Сестренка, знаю, что нелегко тебе живется одной, но пока, кроме как деньгами, ничем помочь не могу. Главное - не падай духом!

Всего несколько месяцев прошло, как район, где я живу, освободили от немцев, фронт ушел далеко на запад. Молодежь принимает перемены с радостью, а старики-осторожничают...

Много лет назад отец наказывал нам, помнишь? — если с ним что случится-держаться вместе. Все правильно.

Дяде Афанасию Быконе я обязан жизнью. Думаю, что одну из улиц будущего города Находка надо назвать его именем, и именами других погибших партизан. Живущие сегодня-все обязаны им...

Помню, как сейчас, многие события, происходившие в нашей Американке. Особенно, как выбирали первого председателя совета. На сходе было названо несколько фамилий, каждый, вроде бы, был надежным, из бедняков. Но когда дело дошло до согласия, все отказались. Одни ссылались на малограмотность, другие на большую семью, мол, не до общественных дел, кормить надо семью-то. Лишь Быконя не отказался. Он и грамотой особой не отличался, и детей тоже было несколько, и бедность беспросветная. Поднялся он и сказал:

— Что же выходит, мужики? Бедняки отказываются строить новую жизнь? Давайте тогда позовем юдиных, пусть они поруководят нами, постегают по голым спинам. А уж теперь-то они выместят на нас всю свою злобу на Советскую власть!

Зашумели мужики. Задел их Афанасий за большое:

— Мы за народную власть еще по-настоящему и не воевали!

Нам ее другие добыли. Теперь вот в наши руки вручают. Как же можно отказываться?

Вконец устыдил Быконя мужиков. Те поняли и в помощники к нему записались. Так все вместе потом и погибли. Ты, сестренка, всего этого не знаешь. В девятнадцатом, когда их расстреляли, ты еще не родилась.

Теперь о здешних местах. Советская власть, как я уже писал, восстановилась здесь всего несколько месяцев назад. Польские богачи, конечно, удрали, но не смирились с тем, что потеряли. На их деньги орудуют в лесах банды.

В одном селе выкрали председателя поселкового совета. Отрубили ему руки и ноги, потом тело подбросили к его же дому. Наш отряд комсомольцев обшарил всю округу, но на след так и не попали.

Появляются эти гады там, где их меньше всего ждешь. Люди знают, но молчат из страха. Есть и такие, кто поддерживает бандитов. Обстановка очень тревожная. Все затаились и ждут чего-то. Каждую ночь появляются листовки о том, что Советская власть доживает последние дни, что они еще вернутся... Представляешь наше положение?

Как-то проходил мимо одного дома и к моим ногам что-то упало. Поднял. К камешку была привязана бумажка. Прочитал ее только в кабинете: "Днями будет Ворон. Держите под наблюдением дом Шуцкого".

"Ворон" — кличка главаря банды, напомнила мне того Воронка, который в Американке выдал голубовских партизан колчаковцам, помнишь, я о нем тебе рассказывал...

... Сестренка, прости, что долго не писал. Та история с бандой Ворона только что закончилась, хотя и не совсем для меня удачно.

В общем, начали мы готовиться к встрече банды какого-то Ворона. Надо было все делать втайне от жителей деревни. К тому же узнали мы, что от банды осталось совсем немного, самое лютое охвостье. Кого раньше выбили, кто сам сбежал из леса при первой же возможности, схоронились по хуторам.

Но уцелели наиболее оголтелые, о каких говорят. веревка для них давно намылена. И с этими Ворон налетал на беззащитные

деревни, вырезал стариков и детей, а молодых уводил в лес, на расправу, если те не захотят вступить в банду. Мы однажды побывали в такой деревне, откуда только что ушел Ворон. Дымилась, догорая, хаты. На широкой улице рядом лежали несколько трупов жителей. У одного из них в груди торчал плоский немецкий штык, вместе лица — кровавая маска. "Председатель сельсовета, — узнал кто-то, — а вот там лежит его жена..." Туда страшно было смотреть.

И вот такого зверя нам предстояло взять или уничтожить. Как к нему подступиться? Стали думать, прикидывать, и придумали. Село наше вполне солидное, большое, наверняка Ворон не пойдет сюда.

А вот к Шуцкому зачем-то ему нужно, может, даже один, потихому, может прийти, по крайней мере с парой своих помощников. А мы со своими малыми силами сумеем уж их не упустить.

И решили вот что. Был у нас Мишка Волобуев, весельчак и находчивый до удивления. Артист в своем роде — умел не только птичьим голосам подражать, но и человеческим.

Эту его способность и решили использовать для пользы дел раньше-то он для баловства это проделывал. Оставили Мишку в доме Шуцкого, форточки открыли, окна занавесили: "Изображай. Мишка, тут большую веселую кампанию, будто все мы тут вечерок коротаем..."

Как стемнело, свет в хате зажгли, сами потихоньку по одному от дома в разные стороны расползаться начали. Я специально задержался и послушал: Мишка в домике моим голосом громко так разговаривает. Ну, думаю, все в порядке...

В общем, несколько вечеров пришлось нам так поупражняться, да вокруг хаты Шуцкого дежурить. Кажется, лишь на пятую ночь у Шуцкого крайнее окошко дольше обычного светилось, свет слабо так пробивался через плотную занавеску. Не иначе, гостей ждет, а, может, они уже там. Проглядели? Сергей Смирнов догадался:

— Провалиться мне на месте, если у него, у Шуцкого, нет хода в дом через погреб!

А крыша погреба от дома метрах в двадцати виднелась, как-то в стороне от нашего внимания оказалась. Лежим в темноте,

что делать, думаем, надо в хату проникать. И Волобуева не слышно...

Дурманно пахнут травы, где-то журчит вода. Село темное, затаилось...

Все, больше медлить нельзя. Серега с Шуваловым в сторону погреба исчезли. Я с Гнатом Дзюбой, комсомольцем из этого села, к кому пошли, уже не таясь, в полный рост. И сразу же забрехали собаки. Мы уже к крылечку подошли, когда скрипнула дверь- хозяин на брех собачий вышел...

– Впусти, хозяин, проверка.

– Какую еще проверку носит по ночам, порядочных людей беспокоить... Но раз пришли, заходите...

– Вот вы говорите- ночь, а сами почему не спите?

– По надобности встал...

В доме было тихо, тепло. Я заглянул в другую комнату. На кровати поднялась чья-то голова: "Кого нелегкая носит..." - проворчала.

И тут я заметил: сундук в углу горницы как-то косо стоит. Подошел- так и есть, не успели задвинуть на место и между сундуком и стеной- железное кольцо на люке блестит...

– Там погреб? – спрашиваю Шуцкого.

– Погреб, погреб, чего же еще, – отвечает и пытается задвинуть сундук на место.

– погоди, дядя, разреши туда заглянуть? – и отодвигаю сундук.

Хозяин злобно полоснул в меня глазами, рванул за кольцо:- Смотрите...

Я наклонился над черным провалом и страшный удар по голове свалил меня в пропасть...

... Очнулся- Серега меня волочет с крыльца, сапоги мои по ступенькам громыхают. Кто-то с фонарем рядом стоит.

– Очухался? – это Серега спрашивает. Я его еле слышу. С трудом разлепляю губы:- Где все?

– Где, где. Ушли все. Мы вот втроем остались, тебя из ямы вытащили. Черт тебя понес туда в одиночку лезть, в эту избу. Шувалова тоже подкололи, гады и ушли через погреб. Там они были, когда ты в хату сунулся... Серега сел рядом:- Да и мне морду

раскровянили, неожиданно из-за куста врезали. Они же тут, как дома были... Улетел твой Ворон черный...

Да, этого мы не предвидели, что они тут, как дома обжились, а дома, как известно, каждый куст родной, помогает.

... До светлого утра мы в этом дворе просидели, разбирали всю "операцию" нашу по косточкам. Мало еще у нас опыта с такими тягаться, но ничего, научимся, через синяки да шишки, через потери... Я старался не смотреть на тело Шувалова, накрытое рогожей. Да, как ни страшно, и через потери...

— Умыться бы, — говорю. — Где-то тут ручей ночью журчал, пойдем, поищем.

Ручей, с полметра шириной, оказался за погребом. Чистый, прозрачный, с солнечными зайчиками. Я запустил в него ладони и вдруг увидел Настеньку. Она стояла ниже по ручью у дерева, в какой-то странной позе...

— Настенька! — окликнул я ее, ощущая странный холод в груди. Иду к ней, ближе, ближе, не отрывая глаз от ее белого лица. И натываюсь грудью на что-то... Хватаюсь инстинктивно за это обеими руками. Круглая черная палка... Боже мой! Настенька вилами пригвождена к дереву!

Нет, сестренка, не все раны зарубцовывает время, не всякую боль забывает память. И та картина стоит передо мной до сих пор.

Я тогда, наверное, сильно закричал, не помню. Помню только, что увидел рядом боевых своих друзей, тоже оцепеневших от ужаса. Не описать нашего состояния, не смогу этого сделать. Сняли мы Настеньку с ее страшного распятия, осторожно отнесли во двор Шуцкого, положили рядом с Шуваловым...

Непонятная, жуткая жестокость! Настенька еще ребенок, за что ее-то? — спрашивали мы друг друга. И не находили ответа.

Очнулись мы, когда вокруг заголосили бабы:

— Убили, убили младшенькую Белокожиху убили! За что дитя-то невинное...?

Со всех концов деревни бежали люди, и скоро двор был полон народа. По-прежнему, не умолкая причитали бабы, мужики молча обступили нас, словно спрашивая, нет, требуя объяснений. А что мы могли им объяснить?

Внезапно толпа как бы нехотя, расступилась. Я увидел мою

Аннушку — она шла по узкому людскому коридору, как впотьмах раздвигая руками людей, вошла в круг, упала рядом с сестрой. И все затихли перед нечеловеческим горем...

Гнетущая тишина встала над подворьем. Я понял, что должен все же, обязан сказать народу, что тут произошло. Ту правду, в которую многие из них не верили. Они верили слухам, которые распространяли по деревням бандиты, что убийства мирных жителей — дело рук агентов ГПУ, и призывали в ответ убивать всех, сочувствующих Советской власти... И такие случаи бывали.

Я должен был сказать правду людям, многие из которых откровенно враждебно смотрели на нас.

— Товарищи! — начал я, поднимаясь на крыльцо. — Сегодня ночью здесь были бандиты известного вам Ворона. Были в этом доме, вы знаете, чей это дом. Хозяин его ушел с ними. Они убили нашего товарища — он погиб на боевом посту. Но по пути они зверски расправились с ребенком... Я не знаю, но наверное кое-кто из бандитов является родственником кому-то из вас, или просто односельчанином. Не знаю...

Но сегодня они стали палачами и не простится никогда им это злодейство, хотя их и одурманили враги Советской власти. Их главарь Ворон, не здешний, вы это знаете не хуже меня, он вам чужак и ему все равно, кого убивать. От его страшной руки оборвалась короткая, светлая жизнь Настеньки... Но я верю: убийц настигнет суровая кара, им не уйти от возмездия...

Так я говорил и видел, как из рук мужиков, то у одного, то у другого стали как бы незаметно выпадать колья, которые они прихватили, сбегаясь на бабий крик...

Тень Ворона

... Встреча Степана Лакизы с Вороном опять чуть не состоялась спустя несколько месяцев, когда он приехал домой навестить родные места. В Находке в 1946 году после взрыва парохода "Дальстрой" у причала мыса Астафьева, сразу же рванули два склада взрывчатки на Пади Ободной.

В одной из разрабатываемых тогда спецслужбами версий этих взрывов, мелькнула фамилия Воронов, якобы причастной к

этим событиям. Но она не была знакома до сих пор, поэтому как-то исчезла из разработки.

И все-таки Воронок еще раз объявился в 1968 году. В качестве, о котором начинается этот рассказ — в бункере на мысе Мусатова строители обнаружили два скелета...

Но это уже другая история.

1987- 1999 г. г.

Конец белого движения

(необходимое приложение)

В 1971 году в США тиражом 1000 экземпляров вышла книга поручика Бориса Васильевича Филимонова "Белоповстанцы". Она охватывает события, имевшие место летом и осенью 1922 года в Приморье. Автор не успел издать книгу при жизни. Ее издал поручик Е. А. Леонтьев, который служил с Филимоновым в Гродековской группе...

...Летом 1922 года в Сучанскую долину направили их стрелковую бригаду, которая целое лето провела в районе Владимиро-Александровского, имея последнее как свою основную базу. Бригада по частям, а то и в полном составе гонялась с большим или меньшим успехом по сопкам за партизанами и собирала с населения налоги в казну Приамурского правительства.

Общее число частей Поволжской бригады, находящихся во Владимиро-Александровском равнялось около двухсот стрелкам, 200- конницы и двум орудиям. Согласно данным августа 1922 года, в бригаде, кроме Уфимцева, должно быть 600 стрелков, 230-конных и два орудия. Бригадой командовал генерал-майор Сахаров, принявшего ее от временно командовавшего ею Ястребова.

Село Владимиро-Александровское расположено не на самом берегу залива Америка, но в десяти верстах от него, на левом берегу реки Сучан. Военские части и команды, прибывшие в район села морем, высаживались обычно на пристани китайского поселка Ченьювай, но шаланды (китайские лодки) с продовольствием ходили обычно вверх по реке до самого села. В таких

случаях, в целях обеспечения беспрепятственного прохода шаланд по берегу реки почти сплошной линией выставлялись посты от гарнизона, долженствующие не допустить всегда возможного нападения партизан на шаланды и их захвата.

Владими́ро-Алекса́ндровское было окружено линией проводочных заграждений. Расположенные вблизи деревни Голубовка, Екатериновка, Унаши оставались незанятыми белыми и в них обычно обретались красные партизаны. Своими обстрелами они частенько тревожили гарнизон Влади́ро-Алекса́ндровского, но все эти нападения они производили ночью. По тревоге поднимались люди, отрывались ото сна, но серьезных действий за сим не следовало и через час-другой люди вновь распускались по квартирам. Такое "удовольствие" не особенно было приятным и, дабы положить конец этому, начальник гарнизона сделал объявление, согласно которому, в случае нового ночного нападения партизан на посты белого гарнизона, генерал Сахаров брал на себя право обстрела близлежащих деревень из орудий.

Один раз белый отряд шел по тракту в сторону Звездочки (?). Партизаны уклонялись от встречи и отряд, не сделав ни единого выстрела, вернулся назад во Влади́ро-Алекса́ндровское. В начале августа была предпринята экспедиция в Ново-Литовск, где по сведениям белой контрразведки сосредоточились значительные силы красных. Отметим, что население Ново-Литовска и прилегающих к нему деревень, благоволило белым и враждебно относилось к красным. Оно даже просило белых о помощи и содействии им. Итак, получив только что приведенное сообщение о партизанах, находящихся в Ново-Литовске, штаб Поволжской бригады разработал план движения на Ново-Литовск двумя колоннами.

Первая колонна пехоты при одном орудии из Влади́ро-Алекса́ндровского через Екатериновку, Михайловку и Кирилловку должна была пройти в Ново-Литовск верхней горной дорогой. А вторая, состоявшая из конного полка с одним орудием в Екатериновке должна была отделиться от пехотной колонны и через Голубовку, Американку и Лагонешты также двинуться в Ново-Литовск.

В 23 часа 30 минут была произведена побудка и отряд сразу

же двинулся, так как в неожиданности крылся успех операции против в красных партизан. Однако белым не повезло с самого начала: командир 8-го Камского полка полковник Сотников и часть офицеров оказались сильно навеселе и тихая и незаметная для населения и постов партизан операция сорвалась: паром перевернулся посреди реки Сучан, два солдата и пулеметы были утоплены. После этого с факелами начали искать брод. Затем в темноте были пройдены Екатериновка и Голубовка.

В первом селе в одной из хат анненковцы обнаружили партизан и всех перебили. В Голубовке на улице захватили какие-то подозрительные подводы, но дабы не упустить красных в Ново-Литовске, не стали с ними разбираться и продолжили свое движение. Конный полк, двигавшийся по южной дороге, пошел было вроде не по правильному пути, но, обнаружив это, вернулся назад и вышел в конце концов к Лагонешты. Но партизан там уже не было, не обнаружили их и в Ново-Литовске...

Кроме легенд

...О том времени и о той политической ситуации писал и начальник контрразведки Сибирской флотилии В. Крюков: "Общую инертность приморских масс не переполошил большевизм. Для вооруженного внутреннего наступления у них, по всем данным, нет ни организованного центра, ни оружия, ни сил..

...Зимние морозы закончились, снег стал быстро таять в долине реки, что позволило беспрепятственно ходить и ездить из деревни в деревню. И 2-го марта 1919 года в селе Фроловка состоялся съезд представителей отрядов самообороны. На нем был избран объединенный штаб, который возглавил Николай Ильюхов, начальником его штаба стал Георгий Гладких. Командиром Сучанского отряда избрали немецкого коммуниста, друга Сергея Лазо по Забайкальскому фронту Эмиля Либкнехта. Командиром Ольгинского отряда избрали Павла Назаренко, Цимухенского отряда - бывшего царского офицера Е. Кудру, Петровского отряда - Пешкова. Отряд корейских ополченцев возглавил Хан-Чен-Гер.

В районе села Владимиро-Александровское действовал

“независимый отряд” из 11 человек под предводительством Козловского.

Обсудив текущие дела, участники съезда приняли решение: всех партизан одеть, обуть и обеспечить продовольствием. Для этого нужны были деньги. У крестьян-кулаков для начала реквизировали кожу и мануфактуру. Китайцы согласились задешево пошить одежду.

Цемухенский отряд отправляется на станцию Кипарисово “брать” кассу стекольного завода. Но не обнаружив в кассе денег, берут в заложники директора завода и в результате получают полмиллиона рублей- этого хватило одеть партизан и помочь их семьям. Петровский отряд на Душкинском рыбозаводе реквизировал 20 подвод с лошадьми, на них погрузили 200 бочек соленой сельди и 20 пудов муки.

6 марта Сучанский отряд начал бои на юге Сучанской долины. Партизаны вошли в село Унаши, что на правом берегу реки Сучан. Отряд под командованием Э. Либкнехта занял рабочие поселки вдоль строящейся узкоколейной железной дороги на правом берегу реки. Единственной связью между ними был паром в селе Голубовка у горы Брат. Таким образом, казацкая станица, она же волостной центр, была взята в осаду. Но завязывать бои партизаны не решались- в гарнизоне Сучанской местной команды насчитывалось всего 200 сабель, 200 штыков и две полевые пушки. Сам волостной центр в то время насчитывал 189 дворов...

С целью деблокады Сучанской местной команды, командование Белой Гвардии в спешном порядке решает послать десант из гардемарин, третья рота отдельных Петроградских классов, проходившая практику на вспомогательном крейсере “Орел” в дальневосточных водах в 1917 году и застрявшая во Владивостоке (в связи с октябрьскими событиями), под командованием капитана первого ранга М. А. Китицына.

17 марта шел мелкий дождь и штормило, когда в залив Америка вошли и бросили якоря в бухте Ченьювай транспортное судно “Магнит” и катер “Удалой” с баржой на буксире. На третий день погода наладилась и началась посадка гардемарин в шлюпки. Не подозревая о засаде, шлюпки направились к

китайским пирсам, но их встретили ружейные залпы засевших на скалистом мысе партизан. Сразу были убиты командир транспорта Жеднов, его старший помощник и ординарец Китицына, многие гардемарины были или убиты или ранены. Китицын приказал шлюпкам вернуться на корабли. Гардемарины вернулись, не высадившись на берег и не вступив в бой.

В шлюпки тогда начали грузиться солдаты 35-го полка с пулеметами, а на транспорте начали готовить корабельные орудия. Новый десант направился на берег, а по скалистому мысу корабельная артиллерия начала обстрел.

Партизаны отошли вглубь леса и десант, не встретив сопротивления, высадился на берег. Походным строем солдаты 35-го полка пришли во Владимиро-Александровское. Две недели они не предпринимали никаких действий против партизан, которые за это время направили посыльных в другие отряды за помощью.

2-го апреля казачий разъезд встретил у села Унаши партизанскую разведку Тимофея Мечика и стал их преследовать. Партизаны повернули в тайгу по дороге на Соломенный перевал. В это время из Ольги на помощь Сучанскому отряду, проделав 15-ти дневный переход, спускался отряд численностью 55 человек под командованием Степана Глазкова.

Увидев несущихся на них казаков, партизаны открыли огонь. Первые всадники упали с коней, остальные прекратили преследование и не завязывая боя, вернулись в село. Партизаны подобрали убитых, среди них Тимофея Мечика, и направились в Перетино, где и соединились с Сучанским отрядом.

3-го апреля в селе Екатериновка партизанская разведка успела перехватить Петровский отряд, который направлялся к парому в Голубовке для отражения высадившегося десанта. Севернее Екатериновки, по порогам, вброд отряд переправился через Сучан и прибыл в село Перетино. Там на узкой полосе между горой и протокой реки завязался бой. Он длился до вечера. С наступлением темноты пошел дождь и партизаны сдали село, отступив к селу Новицкому.

Мокрые, грязные, уставшие партизаны всю ночь не спали, готовясь к стычкам с преследователями. Но и казаки вернулись

по домам. Генерал Волков орал и ругался, требуя пойти вверх по долине и добить партизан....

...Корабли десанта под командованием Кипицына ушли во Владивосток, по дороге потеряв баржу, которая затонула в результате шторма. В архивах музея нет никакой информации о том, что в это время происходило в штабе Белой Гвардии во Владивостоке. Известно только то, что из Владивостокского порта выходит эскадра из семи кораблей: транспорт "Георгий", посыльное судно "Якут", эскадренный миноносец "Лейтенант Малеев", буксир "Свирь", катер "Удалой" и землечерпательная баржа под прикрытием английского крейсера "Кент". 13-14 апреля вся эта эскадра вошла в бухту Находка и высадилась на берег. После переговоров в селе Владимиро-Александровском было решено вывести весь гарнизон казаков местной команды во Владивосток для избежания дальнейшего противостояния и кровопролития среди крестьянства.

Узнав о приходе нового десанта, партизаны направились на юг Сучанской долины. В Екатериновке им сообщили, что гарнизон казаков покидает Владимиро-Александровское и грузится на корабли. Конный отряд Сорокина поскакал в Голубовку, желая завязать бой на паромной переправе. Но, только конница вышла в долину, как была обстреляна дальнобойными орудиями крейсера "Кент". Снаряды рвались на улицах Екатериновки и Голубовки, вынудив партизан скрыться в лесу. А гарнизон неспешно погрузился на корабли и 19 апреля эскадра вернулась во Владивосток.

А на другой день партизаны без единого выстрела заняли село Владимиро-Александровское. Здесь, как пишут многие зарубежные авторы, началось "распределение по избам", мародерство и, как сегодня сказали бы, "зачистки". Во время этих событий погиб командир отряда Эмиль Либкнехт. Нам сейчас трудно судить авторов, которые описывают его смерть от "самопроизвольного выстрела" своего карабина. Кто стрелял?

Материал подготовлен по архивам городского музея.

Деревня Американка, 20-е годы
 гидробитв.

Кузино — Старая Малодина

20-е годы

В лесу зимуют синицы
 и скворцы на голых кронах, скворцы, синицы и другие
 птицы в зимнее время собираются в группы по несколько
 и даже перелетают с ветки на ветку. Зимуют
 и некоторые виды жуков, бабочек, мушек
 и других насекомых.

